

О РУССКОЙ ИСТОРИИ, ИСТОРИКЕ КАРТАШЕВЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Самоотрицание: соблазн или добродетель?

Читая одну книгу по истории Русской церкви, я наткнулся в ней на такой отзыв о «Повести временных лет»: «два Олеговых похода на Царьград /.../ раздуваются в казённой летописи как бы в нечто героическое, но получается отталкивающая картина диких разрушений и грабительских погромов. /.../ В высоком стиле нашей летописи до сих пор чувствуются следы того богатырского эпоса, который до письменности и параллельно с ней в былинных поэмах и песнях прославлял на придворных пирах все эти устаревающие, выходящие из моды, богатырские подвиги конунгов».

Это о ком? Неужели о преподобном Несторе-летописце? Певец конунгов на придворных пирах? Что за бред? Пусть даже составителем первоначальной редакции Повести временных лет был не Нестор, но какой-то другой Киево-Печерский монах, это ничего не меняет, поскольку все Печерские монахи были одного духа, собравшего их в общежительный монастырь. Какой же был дух у составителя Повести? Неужели дух «богатырского эпоса»? Кто автор этих странных выводов о нашей, как он её называет, «казённой летописи»? Каким духом наполнен он сам, что сумел так своеобразно прочесть Повесть временных лет? Он и далее говорит о ней в подобных выражениях: «самохвальный рассказ о технических ухищрениях для осады стен КПля...», «русская летопись трубит и трубит на русско-славянском языке...» Кто это пишет? Это пишет историк А.В.Карташев (1875-1960), последний обер-прокурор Святейшего Синода, а после его упразднения министр вероисповеданий Временного правительства.

Дорогие читатели, хочу поделиться с вами одним любопытным наблюдением. Науки под названием «история» нет. Что же есть? Есть история истории, т.е. то или иное отношение к ней. Поэтому, приступая к чтению книг по истории, советую вам прежде изучить душевные намерения автора, труды которого вы берёте в руки, а потом уже изучать самую книгу. О духовном состоянии историка А.В. Карташева можно составить впечатление по его предисловию к «Очеркам по истории Русской церкви», написанным им в годы преподавания в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже и изданным там же в 1959 году. Начинается это предисловие так.

«Ни одному из христианских европейских народов не свойственны соблазны такого самоотрицания, как русским. Если это и не тотальное отрицание, как у Чаадаева, то откровенное, при случае, подчёркивание нашей отсталости и слабости, как бы нашей качественной от природы второстепенности. Этот очень старомодный «европеизм» не изжит ещё ни в наших, уже сходящих со сцены поколениях, ни в нашей молодёжи, вырастающей в эмигрантском отрыве от России».

Здесь, что ни слово, то подмена понятий. Сперва Карташев называет добродетель соблазном, потом осмеивает, и в итоге выводит, что её надо изживать. Этот веками отработанный приём фальсификации и поныне широко используется средствами массовой информации, которые, например, добродетель защиты отчества высмеивают и изживают. Но, господа, не лгите на истину. Самоотрицание это вовсе не соблазн, это необходимое для спасения души качество, если понимать его так, как учит Господь: *любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в*

жизнь вечную (Ин.12:25). И в другом Евангелии: если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником (Лк.14:26).

Итак, если понимать самоотрицание по-Евангельски, а не по-чаадаевски, то надо назвать его необходимым свойством Боголюбивой души, и в ответ на призыв историка изживать его, сказать ему, что он или заблуждается, или говорит ложь, сознательно или бессознательно смешивая понятия.

Далее в статье мы увидим, как А.В. Карташёв не только самоотрицание, но многие другие слова будет понимать по-чаадаевски, т.е. в том именно направлении мысли, которое и воспитало в русском человеке чувство «как бы нашей качественной от природы второстепенности». Действительно, кто воспитал в русских людях это позорное чувство? Не эти ли самые, «сходящие со сцены поколения», изгнанные из своего отечества и оказавшиеся в итоге там, куда они всю свою жизнь старательно преклоняли свои выи, и где искали первостепенной качественности, то есть на западе?

«А там, в больной и исковерканной СССР (правильнее, конечно, сказать: в больном и исковерканном СССР, - Г.С.) навинчивается противоположная крайность. Там и европеизм и руссизм отрицаются и перекрываются якобы новым и более совершенным синтезом так называемого экономического материализма».

Здесь тот же вопрос возникает: почему это произошло? Не потому ли, что в два столетия после Петровских реформ самоотрицательному началу, так сильно действующему в русском народе, было дано иное направление, и забота о внутреннем душевном устройении через небрежение о внешнем была подменена самоотвержением для построения земного благополучия? Не потому ли всё это произошло, что поменялись цели, и желание подвига, лучше же сказать, ещё живущее в русской душе желание подвига (в отличие от других европейских душ, где все такие порывы уже угасли) получило иное приложение, и вместо стремления к небесному блаженству подвижнический труд был направлен на построение земного материального счастья? А произведена была эта подмена усилиями «нашего верхнего над народом стоящего общества» (Ф.М.Достоевский), поведшего народ к другим ценностям. Каким?

«В противовес этим двум крайностям (т.е. европеизму и материализму, - Г.С.), мы – взрощенные старой нормальной Россией (что значит: «нормальная Россия»? впервые встречаю такое именование своей страны в учёной книге, а не в газетном листке, - Г.С.) продолжаем носить в себе опытное ощущение её духовных ценностей». Вот-вот, сейчас нам скажут, каковы эти ценности. «Ломоносов явлением своей личности и исповеданием своей уверенности, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать», вселил в нас уверенность, что мы станем тем, чем инстинктивно, по безошибочному чутью, мы хотим быть».

Поразительно! Ни Бог, ни святые, ни праведники, но Ломоносов явлением своей личности и исповеданием, нет, не Православия, но своей уверенности, выраженной в стихотворной форме, указал им духовные ценности, которые они продолжают в себе носить. И как носить? Не по Божьему откровению, но «инстинктивно и по безошибочному чутью». Это, как собаки, что ли? Ну и что же говорит вам ваше чутьё? Кем вы хотите быть? Мы «хотим быть в первых, ведущих рядах строителей общечеловеческой культуры». Потрясающе! Дух, вещавший через последнего обер-прокурора Святейшего Синода,

заговорил через первого президента СССР, тоже устремившего советский народ к общечеловеческим ценностям.

Но, скажите, зачем вам нужны эти фальшивки, когда есть настоящие, не инстинктивные, но Богооткровенные ценности? Или вы не признаете их таковыми, руководствуясь своим чутьём, а не Священным Писанием и Преданием? Зачем вам надо быть «в ведущих рядах строителей общечеловеческой культуры»? Слово-то какое характерное – «строителей». Не масонское ли? Наверное, по гордости вам это нужно?

Мы «хотим быть в первых, ведущих рядах строителей общечеловеческой культуры. Ибо другого, достойного первенства земному человечеству не дано». Точно, по гордости. Ибо чем иным, как не гордостью, можно объяснить желание быть «в ведущих рядах строителей общечеловеческой культуры» и нежелание жить, как веками жили деды-прадеды, то есть как заповедал апостол Пётр: *всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите* (1Пет.2:17)?

Новый путь обер-прокурора Карташева

Итак, нам кажется, что Карташеву по фарисейской гордости захотелось быть в первых рядах строителей общечеловеческой культуры, но послушаем, как он сам объясняет это своё желание.

«И это, не благодаря музейно хранимым реликвиям Мономахова венца и титула Третьего Рима, и не благодаря фанатической Аввакумовской преданности букве – всё это были только благородные предчувствия, – а через достойный великой нации порыв – занять равноправное место на мировом фронте общечеловеческого просвещения».

Что же выходит? Жизнь по Христу и во Христе это только «благородное предчувствие», а не главная цель земной жизни? Православная вера и православный царь это лишь подготовка к какому-то порыву? Кто это говорит? Верующий ли человек? Мне кажется, что так говорить может только тот, для кого Евангелие не представляет ценности. Так говорить может купец, который, *найдя одну драгоценную жемчужину* (Мф.13:46), пошёл и продал её, чтобы «занять равноправное место на мировом фронте».

Это признание изобличает в Карташеве утрату православного смысла жизни. В самом деле, когда человек внутренне знает, что он живёт с Богом, зачем ему равняться на других и стремиться к «равноправному месту» среди них? Когда человек знает, что приближает его к Богу, и что отдаляет от Него, зачем ему искать признания у людей? Это на православного все должны бы равняться как на знающего истину. Но у Карташева иначе. Мономахов венец, говорит он, был у русского народа только предчувствием и подготовкой к тому, чтобы «занять равноправное место на мировом фронте общечеловеческого просвещения». У Карташева, как у настоящего гуманиста, в центре всего – человек. Не Богочеловек, распятый на Кресте, но человекобог, устраивающий своё земное благополучие, поэтому и церковь для Карташева является придатком мира. И мы опять слышим эти жаргонные словечки. Давайте с ними разбираться.

Общечеловеческое просвещение названо «фронтом». С кем же воюют просветители? Для всех, кто просвещён, вернее сказать, ещё не до конца ослеплён художественной литературой, наукой, телевизором и прочими средствами массового «просвещения» ответ на этот вопрос ясен. С невежеством церкви, темнотою Евангелия

и несправедливостью Бога, уготовившего страшный Суд всем нелюбящим Его, - вот с кем воюют общечеловеческие просветители. Но читаем далее одного из них.

«Античное (в смысле древнее, - Г.С.) сознание завещало нам своё наследие ещё в двух вариантах антитезы: 1) Эллины и варвары и 2) Израиль и язычники (гой). Христианско-европейское сознание слило это устаревшее раздвоение воедино: в е д и н о е и в ы с ш е е, о к о н ч а т е л ь н о е культурное объединение для народов всего мира. В их расовой, религиозной, национальной пестроте обитатели земного шара на необозримые по времени периоды остаются заключёнными в разные оболочки своих, столь дорогих им, наследственных форм жизни, признаваемых национальными. Но это не существенный и не решающий историсофский момент. Хочет кто того или не хочет, но объективный фактор и с ч е р п а н н о с т и схемы глобальной истории земного человечества, как целого, на лицо. Тут немыслимы никакие ревизии. Нам - х р и с т и а н а м и е в р о п е й ц а м надо с признательностью за честь и и з б р а н н и ч е с т в о принять этот факт, как с в я т у ю в о л ю П р о в и д е н и я и с м о л и т в о ю и благоговением совершать наше земное шествие к конечным благим целям, ведомым лишь Творцу Одному (везде разрядка и прописные буквы автора, - Г.С.)».

Зачем мы читаем эти признания, в которых всякий, *кто имеет уши слышать* (Мф.11:15), слышит неприемлемые для православного человека мысли? Например, такие: «христианско-европейское сознание слило это устаревшее раздвоение (имеется в виду Израиль и язычников, - Г.С.) воедино: в е д и н о е и в ы с ш е е, о к о н ч а т е л ь н о е культурное объединение для народов всего мира». Зачем мы читаем эти саморазоблачения человека, который не то чтобы православным, но даже христианином себя назвать уже не хочет, но представляется «христианским европейцем»? Зачем нам слушать эти лживые песни о культурном объединении всех народов и о конечных благих целях Творца, якобы никому неведомых, кроме Него одного, когда нам доподлинно известно, что такой Его целью является Страшный Суд, возвещённый Господом нашим Иисусом Христом? Зачем нам, слушая слова Карташева, становиться соучастниками тех, кто приближает этот Суд уже только тем, что замалчивает его? Но давайте, раз уж взялись, дочитаем это предисловие, чтобы ужаснуться прелести, в которой пребывали руководители Российской церкви накануне революции.

«Как бы жгуче не обострялись, по временам и по местам, живые (! – Г.С.), исторически злободневные задачи, у нас ли, или у других народов вселенной, но мы, раз преодолевшие самодовлеимость национального партикуляризма, не можем, и не должны растрчивать свои силы без остатка на эту, в принципе уже преодоленную нами фазу культурного служения». Выходит, что многие годы они умерщвляли жизнь, если «исторически злободневные задачи» названы Карташёвым «живыми»? Выходит, что многие годы Российская церковь жила, подчиняясь «культурному служению»? Выходит, что служение культуре поставлено Карташёвым выше служения Христу и Евангелию, если последнее названо преодолённым? Выходит, что время служения Христу Богу было временем «национального партикуляризма»? Как всё это понимать?

«Национальные формы культуры, как языки и вероисповедания, продолжают функционировать, но отменить и заменить уже выяснившиеся и открывшиеся передовому христианскому человечеству его качественно первенствующие и командные высоты его служения никто и ничто не вправе. В этой предельности служений есть неотменимый момент п о с в я щ ё н н о с т и и п р а в а н а п р е д в о д и т е л ь с т в о. (Фарисейская гордыня уже в разрядку пропечатана автором, - Г.С). Лишь на этом пути совершается преодоление «плоти и крови» наций, с их зоологически унижительными и неизбежными войнами». Вот как! А я-то думал, что лишь на пути, указанном Господом, Его апостолами и всеми святыми христиане

могут, *совлекишись ветхого человека с делами его*, стремиться к жизни, в которой *нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол.3:10,11). Нет, говорит обер-прокурор, есть другой путь. «Лишь на этом пути открывается просвет и надежда – преодолеть и победить великий демонический обман безбожного интернационализма».

Хочется спросить, а разве культурный интернационализм в сравнении с безбожным интернационализмом не является ещё *большим* демоническим обманом, потому что прикрывается именем Божиим? «Лишь во вселенском христианском водительстве заложено обетование истинной свободы человека и – мира всему миру». Вот-вот, *когда будут говорить: 'мир и безопасность', тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут* (1Фесс.5:3). «И вот на этом пути – достойное, высшее, святое место служения России и Русской Церкви, а не под знаменем «ветхозаветных», ветшающих национализмов».

На этом возгласе предисловие заканчивается. И после его прочтения предлагаю прочесть тот единственный абзац предисловия, который мы в нём пропустили, а именно: «Наше предчувствие нового возрождения и грядущего величия и государства и церкви питается отечественной историей. Пора приникнуть к ней любящим сердцем и умом, умудрённым трагическим опытом революции».

Не походит ли это приникновение А.В. Карташева к отечественной истории «любящим сердцем» после всех его речей и особенно после слов о «преодоленном национальном партикуляризме» на поцелуй Иуды? А об уме, «умудрённым трагическим опытом революции» говорить не приходится: ни ума, ни опыта Карташев и карташевы, сбежавши за границу, получить не захотели. Или так и не сумели получить?

Антиевангелие

Причину включения в «Повесть временных лет» описаний разрушения и грабежа русскими воинами мирных жителей Малой Азии А.В.Карташев видит в «самохвальстве» и в не до конца изжитом конунговском духе «казённой летописи». Но такой взгляд на Повесть временных лет говорит более о духе самого историка, нежели о духе Повести, ибо известно: у кого, что болит... О духовном заболевании историка Карташева можно судить, исходя из прочитанного нами предисловия, и в частности из его предложения: «В этой предельности служений есть неотменимый момент *п о с в я щ ё н н о с т и и п р а в а н а п р е д в о д и т е л ь с т в о*».

О какой «предельности» каких «служений» идёт речь? Насколько я смог понять извития словес Карташева, под служением он понимает усилия «передового христианского человечества» по отмене национальных форм культуры. «Предельным» же оно названо потому, что более высокого служения на земле быть уже не может («ибо другого, достойного первенства земному человечеству не дано»). Итак, Карташев потому называет это служение «предельным», что оно совершается на «командных высотах» уже не отдельных наций, но всего человечества. Кроме названия его «предельным» Карташев также приписывает этому служению «неотменимый момент посвященности». Что ж, без посвященности с задачей такого размаха справиться трудно, только посвященность эта, конечно, не от Бога, а от Его противника, дьявола.

Понимают ли Карташев и карташевцы, на кого они работают? Знают ли, что они вместе с «передовым христианским человечеством» идут в *огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его* (Мф.25:41)? Не будем гадать, потому что, как бы мы не старались, мы не сможем понять их идей, которых они набрались из приготовленного к гибели духовного мира. *Оставьте их: они - слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф.15:14).

Оставим слепцов, обратим свои взоры на себя. Знаем ли мы сами, чего хотим? Ведаем ли Божий путь? Если бы знали, то на дух не переносили бы такие книжки, как карташевские «Очерки по истории». А раз их читаем, стало быть, ничего не понимаем, и, стало быть, ничем не отличаемся от безвольных слепцов, которых ведут слепцы волевые, чья настойчивость возгревается, конечно, не знанием пути, но честолюбием и гордыней, или, говоря словами Карташева, «правом на предводительство». Они давно уже, с самого воплощения Сына Божия, собирают свой интернационал, чтобы предводительствовать в нём. Не они, конечно, но антихрист, примеряющий на себя маску сына Божьего.

Слово «антихрист» можно перевести не только как «против Христа», но и как «вместо Христа», потому что греческая приставка «анти» в таких, например, словах, как «антиминс» (букв. вместо престола), «антидор» (букв. вместо дара) имеет значение «вместо». Антихрист тщится подменить собою Христа. Это значит, что если Христос спасает благодатью независимо от плоти и крови (ср.1Кор.15:50), то Его пародист «спасает» своей прелестью, т.е. губит ложью также независимо от плоти и крови. Это значит, что если Христос собирает во единую Церковь всех людей, поверивших в Его Божество, без различия рода и племени, то антихрист увлекает за собой в геенну всех принявших его вместо Христа также вне зависимости от их национальности. Пародия на Евангелие, т.е. на благодатную внациональную жизнь в Христовой Церкви слышится в словах Карташева о «моменте посвященности и праве на предводительство» тех, кого он называет «христианскими европейцами».

В Евангелии сказано: *Не вы Меня избрали, а Я вас избрал* (Ин.15:16). *Вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел* (1Пет.2:9). Можно подумать, что Карташев говорит то же самое словами «хочет кто того или не хочет, но объективный фактор и с ч е р п а н н о с т и схемы глобальной истории земного человечества, как целого, на лицо. Тут немислимы никакие ревизии. Нам - х р и с т и а н а м и е в р о п е й ц а м надо с признательностью за честь и и з б р а н н и ч е с т в о принять этот факт, как с в я т у ю в о л ю П р о в и д е н и я и с молитвою и благоговением совершать наше земное шествие к конечным благим целям, ведомым лишь Творцу Одному». Так вот, можно подумать, что Карташев этими словами говорит то же самое, что и Евангелие, но это, конечно, не так. Евангелие говорит об избранничестве как о вхождении в Христову Церковь, совершаемом через приподнимание над национальным кругом жизни, тогда как Карташев на первое место в деле избранничества ставит выход из национального круга. Т.е. поступает наоборот. Кстати говоря, слово «пародия» в буквальном переводе с греческого языка означает: «песня наоборот».

У апостола исхождение из национальности является следствием вхождения в избранный род христиан, т.е. прежде должно совершиться благодатное вхождение в Церковь, а потом уже выход из родства своего (ср.Деян.7:3), а у Карташева наоборот:

главным показателем избранничества является отрицание избранником национальных форм жизни. Антихристианская подмена на лицо.

Господь говорит: *всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную* (Мф.19:29), а Карташев говорит: всякий, кто оставит всё это из-за «исчерпанности схемы глобальной истории земного человечества», тот и избранник. Тогда говорил бы яснее, что ради всеобщего человеческого счастья и ради мира во всём мире должны «христианские европейцы» всё оставить, чтобы стать избранниками. Точно, согласимся мы с Карташевым, безблагодатными, призванными не Сыном Божиим, но обманутыми антихристом избранниками, которых вместо жизни вечной ожидает смерть вторая. Ибо *боязливых же и неверных, /.../ и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая* (Откр.21:8).

Итак, об отмене национальных форм жизни Евангелие говорит совершенно иначе, чем Карташев. Евангелие говорит: *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное*, и в этом призыве, конечно, слышится близость земного конца, но не эта кончина предлагается в качестве причины для покаяния. Основопологающей причиной покаяния, т.е. изменения образа мыслей и самой жизни должно стать желание получить Божественную силу свыше, которая открылась при приближении Небесного Царства. А у Карташева? Покайтесь, говорит он, «ибо объективный фактор исчерпанности схемы глобальной истории земного человечества, как целого, на лицо». Т.е. не ради получения Божией благодати мы должны покаяться, говорит Карташев, а только потому, что ему, видите ли, открылся «объективный фактор исчерпанности». А под «покаянием» он понимает активное изживание «ветшающих национализмов». Ну, и как назвать эту «благую» весть? Только и остаётся назвать её антиевангелием.

Богородноленные войны

Внимательно прочтём ещё одно предложение из карташевского предисловия. «Лишь на этом пути совершается преодоление «плоти и крови» наций, с их зоологически унизительными и неизбежными войнами».

Путь обер-прокурора Карташева нами был вкратце рассмотрен. Это путь строителей общечеловеческой культуры, преодолевших «национальные партикуляризмы наследственных форм жизни». Куда этот путь ведёт, мы тоже сказали: *во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его* (Мф.25:41). Но вот незадача, по уверению Карташева, «лишь на этом пути совершается преодоление «плоти и крови» наций, с их зоологически унизительными и неизбежными войнами». Что же выходит? Все те, кто не хочет идти вслед за обер-прокурором в геенну, должны «зоологически» воевать? Либо, либо? Либо неизбежное геенское унижение по смерти, либо «унизительные и неизбежные» войны при жизни? Неужели нет иного исхода?

Дорогие читатели, русская история это история непрерывных войн. Поэтому называть войну «зоологически унизительным» событием, как это делает Карташев, значит, называть зоологически унизительной самую русскую историю, которая вся состоит из войн. Но вы, быть может, скажете, что Карташев так русскую историю не называет. Да, не называет, но своё отношение к войне как к главной странице русской истории, он вполне высказал в этих своих словах.

Мы ещё скажем кое-что о пацифизме Карташева, а пока что вместо непотребного нам историка послушаем другого историка, который в те самые годы, когда Карташев писал в Париже «Очерки по истории русской церкви», работал в Москве в Отделе международных организаций МИД СССР. Да, конечно, можно быть глухим к Христову Евангелию, как О.Гриневский, потому что духовный слух не от человека зависит, и потому что *Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть* (Мф.11:27), но нельзя же быть настолько глухим к родной истории, чтобы не слышать её сердцебиения, как глух к ней Карташев.

Слова советского историка Олега Гриневского мы кое-где сократим. Итак, «ни одна страна, ни одна нация Европы не видела таких войн, какие пришлось вести России. Эти войны не имели конца, а враг никогда не исчезал, если даже и бывал разгромлен или с ним заключался мир. Затянувшиеся на столетия, их как-то совестно втискивать в прокрустово ложе привычных нам понятий наступательных или оборонительных войн. Жалкие обрубки, которые остаются после такой экзекуции, могут лишь смутно напоминать те великие и трагические события, которые происходили на самом деле. В равной мере это относится к понятиям справедливых или несправедливых войн. Потому что эти войны нельзя назвать войнами ни за национальное освобождение, ни за объединение страны. Их едва ли можно характеризовать и как борьбу против агрессии. Но их нельзя считать и колониальными войнами или войнами за территориальные приобретения. В чистом виде они не были ни одной из них, потому что объединяли все эти черты. Эти непрерывные войны были как одна тяжкая война народа, находившегося на пороге Европы и Азии, на великой линии, разделявшей оседлый мир и кочевые племена, там, где сталкивались между собой христиане, мусульмане и язычники. Народа, который, несмотря на все лишения, сумел сохранить свою национальную сущность и культуру. Народа, которому в одно и то же время пришлось вести борьбу за возвращение отчих земель, захваченных католиками и мусульманами, и осваивать, колонизовать огромную и суровую землю – большую, чем весь континент Северной Америки. Летопись этого прифронтового образа жизни русского народа запечатлена в датах основания городов наших. Практически одновременно они возводились в Сибири, на Дальнем Востоке и в Центральной России. Признаюсь, я был поражен этой одновременностью, над чем раньше как-то и не задумывался. Так в Сибири на расстоянии многих тысяч километров от Москвы появились: Тюмень - 1586, Тобольск - 1587, Обдорск - 1595, Нарым - 1596, Томск - 1604, Енисейск - 1619, Красноярск - 1628, Якутск - 1632, Нижнеколымск - 1644, Охотск (на Тихом океане) - 1649. Но в то самое время, когда в промерзшей тундре или заснеженной тайге возникли эти города, до которых добираться-то нужно было с большим трудом год или два, новые города родились у самой Москвы на богатых и плодородных землях Центральной России: Орел - 1564, Курск - 1586, Воронеж - 1586, Белгород - 1593, Тамбов - 1636. Какой же духовной силой нужно было обладать, чтобы выдержать нечеловеческое напряжение этой борьбы не год, не два, а два столетия кряду. Состояние этой непрекращающейся войны наложило отпечаток на русскую государственность да и на характер русского человека. И когда сегодня мы все чаще и чаще задаемся вопросом, почему мы такие, не стоит ли нам обратиться к тому далекому прошлому?»

Духовная сила русского народа, которой восторгается советский историк, конечно, не от природной силы самого народа зависит, но подаётся ему от Господа. Почему же подаётся?

В последнее время в церковной среде часто повторяются слова апостола Павла: *сила Моя в немощи совершается* (2Кор.12:9), в том понимании, что, дескать, чем слабее и немощнее человек, чем беднее он духом, тем *большая* помощь подаётся ему от Бога. Но послушаем, как святитель Иоанн Златоуст толкует эти слова. «Здесь говорится не о головной боли, - больные не проповедовали, да и не могли проповедовать, - но о том, что (апостолы) гонимые и преследуемые всё превозмогли. /.../ *Темже благоволю в немощех* (2Кор.12:10). В каких же, скажи мне? В

досажденных, в бедах, в изгнанных, в теснотах по Христе... Видишь ли, как ясно открыл теперь всё? Говоря о роде немощей, он назвал не горячку, не повторяющуюся болезнь, или другую телесную немощь, но обиды, гонения и притеснения. Видишь ли, какая благопокорная душа! Он желал избавиться от бедствий. Но когда услышал от Бога, что этому не должно быть, не только не пал духом, не получив просимого, но ещё и радовался. Поэтому и сказал: *благоволю, радуюсь, желаю терпеть обиды, гонения и притеснения за Христа. Сказал же это, желая и тех (лжеапостолов) смирить, и их (коринфян) ободрить, чтобы они не стыдились Павловых страданий, - потому что такое терпение скорбей может сделать славнее всех. Потом выставляет и другую причину: егда бо немощствую, тогда силен есмь.* Чему дивишься, если в немощах обнаруживается сила Божия, и я тогда бываю силен? Тогда ведь особенно и действует благодать Божия» (т.10, с.718-719).

Итак, если апостольскими немощами, в которых смиренного человека укрепляет сила Божия, являются гонения, обиды и притеснения за Христа, то и войну за веру Христову можно назвать немощью, претерпеваемой ради Него, в которой особенно действует благодать Божия. Поэтому, не вопреки войне, но благодаря ей, как бы странно это не казалось, русский народ сохранил, говоря словами советского историка, «свою национальную сущность и культуру», или же говоря точнее, сохранил Православную веру, в которой он как народ и утверждается своей «национальной сущностью и культурой».

В приведённых выше словах историка О.А.Гриневского, нельзя не обратить внимания на определение, которое он даёт русским войнам, говоря, что «их как-то совестно втискивать в прокрустово ложе привычных нам понятий наступательных или оборонительных войн. Жалкие обрубки, которые остаются после такой экзекуции, могут лишь смутно напоминать те великие и трагические события, которые происходили на самом деле». Действительно, прокрустово ложе привычных понятий, как эзоповским языком называет Гриневский марксистско-ленинское учение о войнах, не в состоянии объяснить главной составляющей русской жизни. Наши войны, как верно замечает Гриневский, «нельзя назвать войнами ни за национальное освобождение, ни за объединение страны. Их едва ли можно характеризовать и как борьбу против агрессии. Но их нельзя считать и колониальными войнами или войнами за территориальные приобретения. В чистом виде они не были ни одной из них, потому что объединяли все эти черты». Это, конечно, по-своему верно сказано, но христиане сказали бы иначе: в чистом виде русские войны были Богодохновенными войнами.

Как? Разве бывают такие войны? Разве может литься кровь и совершаться убийства по Божьему повелению? Да, может. Вспомним войны ветхозаветного Израиля, которые он вёл за обетованную землю. Куда бы отнесла их советская историческая наука согласно марксистско-ленинским схемам? Конечно, к несправедливым и захватническим, но ведь они были священными войнами, потому что велись по Божию повелению, как об этом сказано в Псалтири и во многих других местах Библии.

«Эти непрерывные войны были как одна тяжкая война народа, находившегося на пороге Европы и Азии, на великой линии, разделявшей оседлый мир и кочевые племена, там, где сталкивались между собой христиане, мусульмане и язычники». И здесь всё верно сказано. Непрерывные войны, которые вел русский народ, могут быть названы одной тяжкой

войной, только велась она, осмелимся мы вновь поправить советского историка, не потому, что Бог поместил русский народ на пограничье различных миров. Это всего лишь внешняя, видимая сторона дела. Невидимая же, т.е. духовная суть постоянно ведшейся русскими людьми войны заключалась в защите и распространении Православной веры.

Теперь вспомним карташёвское определение войне («зоологически унижительные и неизбежные войны») и поставим его рядом с тем пониманием войны, которому нас учит Священное Писание. *Благословен Господь Бог мой, научаяй рuce мои на ополчение и персты моя на брань* (Пс.143:1). *Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен, Господь силен в брани* (Пс.23:8). *Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончуются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима* (Пс.17:38,39). Богодохновенная Псалтирь так часто говорит о брани с врагами, что может быть названа громогласной боевой песнью. Мне могут возразить, что Псалтирь говорит о духовной брани с бесами и вовсе не призывает к войне с людьми. Я, конечно, соглашусь с этим возражением, но в числе главных бесов, на брань с которыми поднимает нас Псалтирь, назову карташевскую идею о войне как зоологическом унижении.

Сердцебиение русской истории, или Защита от прелести «общечеловечества»

Война за веру есть доблесть и слава. *Господи, Господи, сило спасения моего, осенил еси над главою моею в день брани* (Пс.139:8). Война есть испытание веры. *Ты же отрунул еси и уничтожил, негодовал еси помазанного Твоего. /.../ Отвратил еси помощь меча его, и не заступил еси его во брани* (Пс.88:40,44). Война есть прославление Божия величия. *Смятошася языцы, уклонишася царствия: даде глас Свой Вышний, подвижеся земля. Господь сил с нами, заступник наш Бог Иаковль* (Пс.45:7,8). Война есть скорейшее познание воли Божией. *Рука Твоя языки потреби, и насадил я еси: озлобил еси люди, и изгнал еси я. Не бо мечем своим наследилши землю, и мышца их не спасе их: но десница Твоя, и мышца Твоя, и просвещение лица Твоего, яко благоволил еси в них* (Пс.43:3-5).

И ещё в подтверждение слов Гриневского о том, что существо русских войн не вмещается и не сможет вместиться не только в марксистско-ленинскую схему, но в самые головы нерусских людей, можно привести филологический разбор слова «война», произведённый И.Солоневичем. В немецком языке слово «война» (der Krieg) связано со словами «добывать», «получать» (kriegen). Не потому ли близки эти слова, что германские войны это, как правило, завоевательные войны? В английском языке слово «война» (the war) связано со словами «изделия», «товар» (ware). Не по той ли причине это произошло, что английские войны это, как правило, торговые войны? А в русском языке слова «война» связано со словом «вой», не потому ли самому, что русская война это прежде всего беда и горе? И слышащим родственную связь слов «вой» и «война» не может не резать ухо это совершенно чуждое русскому духу выражение «выиграть войну». Можно выиграть добычу или выиграть рынок сбыта, но как можно выиграть вой?

Богодухновенными назвали мы русские войны с внешними врагами, потому что велись они за веру, а не за земной интерес. Что же скажем? Помещая русский народ на пограничном рубеже, Бог обрёл его на непрекращающуюся войну? И теснимый со всех сторон иноверцами русский человек был обречён Богом на неизбывный вой? Да, именно так. Нечто подобное происходит с монахом. Поселяя Своего избранника в монастыре, Бог ввергает его в непрестанную брань с нечистыми духами. «Незавидная участь», - скажет неверующий. «Какая прекрасная судьба», - светло позавидует верный.

С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка (Иак.1:2-4). Помещая русский народ на передовом рубеже духовной и военной брани, Бог и награды ему приготовил самые лучшие. Только бы дотерпеть до конца, только бы сохранить веру, как сохранил её апостол Павел. *Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее убо соблюдается ми венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия, не токмо же мне, но и всем возлюбившим явление Его (2Тим.4:7,8).*

И закончим эту статью тем, чем начали: Повестью временных лет. Что же не смог понять в ней историк Карташев? Какие слова в Повести смутили его и заставили думать совсем не то, что хотели сказать её составители? Эти слова в переводе на русский язык звучат так: «И пришел [Олег] к Царьграду: греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги».

Почему оказались в Повести эти строки? Чтобы по-конунговски похвалиться разбоем? Или чтобы по-злодейски полюбоваться убийством мирных жителей? Неужели такие желания можно приписать преподобному Нестору-летописцу, составителю Жития святых Бориса и Глеба? Язык не повернется этого сделать. Но почему он повернулся у Карташева? И почему эти строки оказались в Повести временных лет?

Да просто потому, что они, как и другие подобные им строки, были слово в слово переписаны из византийских хроник. Вот и всё. Никакого богатырства и разгула. Напротив, совершенное смирение и послушание. Не мог монах этого отрывка не переписать, ибо в нём затрагивалась русская история, но не мог он его нигде исправить, ибо он составлял за послушание летопись, а не исторический роман. И ещё ему, быть может, хотелось оставить нелюбезное свидетельство о языческом прошлом своего народа для назидания потомков. Вот и вся разгадка этих превратно понятых Карташевым строк. Он не учёл того, что Повесть временных лет писал монах, а не обер-прокурор.

Почему же мысль о дословном переписывании из греческих источников не пришла в голову Карташева? Почему он стал обвинять Повесть в невероятных вещах, которые не укладываются в голове здравомыслящего историка, не говоря уже

православного христианина? Может, хотел показать своё возвышающееся над «национальным партикуляризмом» «европейское христианство», которое уже преодолело «наследственные формы жизни, признаваемые национальными»? Да, показал... Показал своё непонимание русской истории и русского христианства. Но только ли непонимание? Или только простое непонимание? Не будем гадать. Придёт время, и всё откроется. *Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы* (Лк.8:17).

Составители Повести временных лет в отличие от Карташева не преодолевали «национального партикуляризма», потому что были лишены его изначально. Они были призваны Богом в Христову Церковь, а не в национальную секту. Почему же Карташев мыслит так, как будто Киево-Печерский монастырь, а за ним и всё русское Православие составилось в национальную партию? Потому что сам он – вне Церкви. Где же он? В секте «строителей общечеловеческой культуры». Эта секта, как и Христова Церковь, безнациональна, поэтому легко обмануться. В этой секте, как и в Церкви, тоже надо умереть для своих плоти и крови, но если в Церкви отречение от своей национальности совершается ради Христа, чтобы воскреснуть с Ним, то в секте это отречение совершается ради «общечеловеческой культуры». Вот смерть, которая не имеет воскресения. Вот ложь, которая обернётся вечной гибелью. Вот подлог, производимый карташевскими сектантами.

Как же уберечься от этой лжи? Лучше же сказать: от прелести, потому что ложь всё-таки понимается как ложь, а прелесть сокрыта от понимания. Прелесть, т.е. ложь, усиленная приставкой «пре-», потому что чрезвычайно опасна, что не осознаётся прельщёнными, поэтому для защиты от прелести нужен такой предохранитель, который бы действовал независимо от людей. Где его взять? К нашему великому благу, его не нужно придумывать, его нужно только сохранить, поскольку он заложен в устройстве Русской Православной Церкви при самом её создании. Таким предохранителем является имя Русский. Именно так, слово «русский» является защитой от прикрывающейся Христовым именем антихристианской общечеловеческой прелести. Почему?

Слова «русский» и «православный» всегда были равнозначны. Если русский, значит православный, а если русский и неправославный, значит, увы, нерусский. Слово «русский» свидетельствует не о плотском, но о духовном единении людей в лоне Русской Православной Церкви, и имеет вероисповедальное значение, поскольку говорит не столько о национальности, сколько об исповедании человеком Православия. Во всяком случае, так было искони, когда славяне, варяги, вепсы, меря, чудь и многие другие народности, принимая святое крещение, стали называться «русью», как об этом сказано в «Степенной книге царского родословия»: «От варяг бо русию прозвахомся, а преже словени *быхом*». Русский, значит, православный. Так было изначально, и так будет до скончания века, как бы карташевы не увлекали верующих на путь гибели, говоря, что лишь «на этом пути – достойное, высшее, святое место служения России и Русской Церкви, а не под знаменем «ветхозаветных», ветшающих национализмов».

Итак, переиначивая слова Апостола Павла о вере: *вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (Евр.11:1), можно сказать, что словом «русский» обозначается не столько видимый человек, не столько его плоть и кровь, но

прежде всего внутреннее свойство – *уверенность в невидимом*. Каком? Во втором пришествии Господа и Бога нашего Иисуса Христа. Русскость это чуткое прислушивание к стуку Христа в земную дверь. *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр.3:20).

Наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа (Фил.3:20). Вот где Родина русского человека, и вот где его патриотизм – на Небесах. А тот патриотизм, который в настоящее время зовётся «русским», «российским», «национальным» или ещё каким-то патриотизмом в смысле устройства земных дел предпочтительно перед делами небесными, православным людям неведом. И этой Небесной Родины, этой Земли Обетованной всякий русский человек, вслед за апостолом Павлом, самый преданный патриот.